

Е.А. Кузьмина (Москва, Россия)

Ф.И. Буслаев и история славянской грамматической традиции

Аннотация: В статье рассматриваются воззрения Ф.И. Буслаева на метаязыковую рефлексию, отраженные в его фундаментальной «Исторической хрестоматии церковнославянского и древнерусского языка» (М., 1861), которая может служить введением в изучение ранней славяно-русской грамматической традиции. Опубликованные и прокомментированные в ней фрагменты из сочинений филологической проблематики позволяют вполне адекватно представить себе интересы славянских книжников и процесс развития их грамматического мышления от конца IX в. до первой трети XVIII в. Идеи Ф.И. Буслаева о болгарском происхождении сказания черноризца Храбра, о роли орфографии как ведущего направления развития грамматического знания до 1630–1640-х гг., о нетождественности второго, московского издания грамматики Мелетия Смотрицкого 1648 г. ее первому, евьевскому изданию 1619 г. и др., имели определяющее значения для становления современной научной концепции развития грамматической мысли России.

Ключевые слова: славянская грамматическая традиция, церковнославянский язык

Е.А. Kuzminova (Moscow, Russia)

Fyodor Buslaev and A History of Slavic-Russian Grammatical Tradition

Abstract: The article discusses Fyodor Buslaev's viewpoint on the metalinguistic reflection in his fundamental 'Historical Anthology of Church Slavonic and Old Russian' (Moscow, 1861). The anthology can serve as an introduction to the study of the early Slavic-Russian grammatical tradition. Excerpts from philology-related works described and commented on by Buslaev vividly show what interested Slavic scribes and what helped to evolve their grammatical thinking between the late 9th century and the first third of the 18th century. It is argued that Buslaev played a vital role in the formation of today's concept of how grammatical thought in Russia evolved. The paper discusses what Buslaev thought about the Bulgarian origin of the tales by Chernorizets Chrabr and the role of spelling as a major trend in the development of grammatical knowledge up to the 1630–1640s. Of special interest is Buslaev's idea that the second, Moscow, edition of grammar by Melety Smotritsky published in 1648 is not identical to the first edition published in 1619.

Key words: Slavic grammatical tradition, Church Slavonic language

Казалось бы, о вкладе Федора Ивановича Буслаева в становление и развитие исторической русистики и палеославистики сегодня должно быть известно почти все. Однако каждое обращение к его трудам, пристальный анализ его наследия под определенным узконаправленным углом зрения позволяет обнаружить, насколько современно и актуально звучат в наши дни идеи, выдвинутые им более полутора веков назад.

Данная статья посвящена роли Ф.И. Буслаева в изучении памятников ранней славянской грамматической традиции, которые являются первостепенной важности источниками для истории языка, позволяющими одновременно исследовать и язык эпохи, и ее языковые представления.

Воззрения Ф.И. Буслаева на метаязыковую рефлексию, которые предвосхитили многие положения современной концепции развития лингвистической мысли славян, получили отражение в его фундаментальной «Исторической хрестоматии церковнославянского и древнерусского языка» [Буслаев 1861]. В ней представлены фрагменты из 135 памятников церковнославянской и древнерусской книжности XI–XVII вв., большая часть из которых (69) опубликована впервые. Призванная служить, как указано в подзаголовке, «учебным руководством для военно-учебных заведений», «Хрестоматия» Ф.И. Буслаева по сути своей представляет собой не что иное, как фундаментальное научное издание типа издание-сборник. Тексты воспроизведены в полном соответствии с теми требованиями, которым должны соответствовать издания памятников письменности, адресованные лингвистам, воссозданы все графико-орфографические особенности источников, подведены важнейшие различия. А послетекстовые разделы, которые Ф.И. Буслаев в соответствии с жанровым канонem учебного пособия, скромно именуем примечаниями историческими и грамматическими, являются полноценным научным комментарием.

Несомненная научная ценность хрестоматии, помимо всего прочего, определяется и тем, что она может служить своего рода введением в изучение памятников славянской грамматической мысли. Опубликованные и прокомментированные в ней фрагменты из 9 филологических трактатов позволяют вполне адекватно представить себе интересы славянских книжников и процесс развития их грамматического мышления от конца IX в. до первой трети XVIII в., проследить филиацию их идей.

Основным объектом славянской лингвистической мысли в первые годы после создания славянской письменности была новая система письма, реализованная в глаголице и кириллице: ее обоснование, утверждение и распространение. Этот древнейший период представлен в «Хрестоматии» фрагментами из Жития Константина-Кирилла и Жития Мефодия [Буслаев 1861: стлб. 774–778], в которых освещается моравская миссия святых братьев и история создания славянской азбуки, и из первого собственного научного трактата – сказания «О письменах» черноризца Храбра [Буслаев 1861: стлб. 425–430]. В своем комментарии Ф.И. Буслаев подчеркивает значение этого трактата как апологии боговдохновенной славянской письменности и указывает на его болгарское происхождение. Наблюдения Ф.И. Буслаева были впоследствии убедительно доказаны палеославистами и получили дальнейшее развитие, в частности, в трудах К.М. Куева, Б.Н. Флори, А.А. Турилова и др. [Куев 1967; Флоря 1981; Турилов 2006]. Установлено, что сказание «О письменах» было создано на территории Первого Болгарского царства в конце IX в., его текст был написан на глаголице и в нем отстаивалось не славянское письмо вообще, а именно глаголическая азбука. Храбр детально разъяснил и продемонстрировал совершенство глаголицы как алфавита, специально созданного Константином для передачи славянской

речи, и тем самым смог убедить своих болгарских оппонентов приспособить греческое письмо к особенностям славянского языка, в результате чего и была разработана кириллица.

После утверждения новой системы письма славянских книжников прежде всего волнует правильность воспроизведения канонических текстов и обусловленная этим необходимость обучения для стабилизации рукописной традиции, что закономерно выдвигает на первый план проблемы регламентации и нормализации орфографии. Из множества орфографических руководств, разбросанных по рукописным сборникам, Ф.И. Буслаев избирает для своей хрестоматии текст, который позволят получить исчерпывающее представление как об актуальной орфографической проблематике, так и о распространенном тогда способе презентации языковой нормы: «**Наказаніе ко Ѹчителемъ, какъ имъ оучити дѣтѣй грамотѣ, и какъ дѣтемъ оучитиса вѣстѣнномъ писанію и разѹмѣнію**» [Буслаев 1861: стлб. 1083–1089]. В этом теоретическом обобщении учения грамоте систематизация основных элементов кода церковнославянского письма (букв, надстрочных знаков, знаков препинания) и описание процедуры обучения чтению по складам направлены на предотвращение типичных ошибок. См., например, правило, предостерегающее от смешения букв **ѣ** и **ѥ** «**Паче же ѿтъ съ ѣстемъ рѹзнити, ѣже вы не реши вѣсто пѣніа пѣніе, и вѣсто пѣти пѣти, и въ мѣсто сѣсти сѣсти, и вѣсто нѣсть нѣсть, и вѣсто лѣто лѣто, и въ мѣсто рѣчи рѣчь, и прочаа таковаа. Сіе бо вельми заборно и оѹкорно, ѣже ѿтъ в мѣсто ѣсти глаголати, такоже и ѣсть въ мѣсто ѿти. Ѿ сегѹ бывѹтъ вѣле несмыслѣство ѹченію**»; предписание различать омографы **доуше** и **дѹше** (формы вокатива существительных **доухъ** и **дѹша**): «**Ѹрю нѣныи, оѹтѣшителю доуше истинныи, и прочаа, а не говорити и не оучити вѣсто доуше дѹше ѿкоже нейскоѹснїи словѹ оучѹтъ и говорѹ. зѣло сіе и вельми вѣ в трѣѣ славномѹ бранно, ѿко вѣсто дѹа стѹаго глаголю доушѹ, и не вѣмы какоѹ**» и т. п. Таким образом, «**Наказаніе ко Ѹчителемъ...**» не ограничивается описанием нормы, а демонстрирует механизм ее действия в проблемных зонах.

В комментарии к этому руководству Ф.И. Буслаев отмечает: «...грамматическое учение ограничивалось преимущественно правописанием» [Буслаев 1861: стлб. 1088]. Эти слова убедительно подтверждают находки последнего времени. О том, что орфография была основным объектом изучения вплоть до 1630–1640-х гг., свидетельствует, в частности, понимание сущности грамматического искусства в Московской Руси. Грамматика в буквальном соответствии с этимологией (греч. **γραμματικῆ** от **γράμμα** ‘буква’, ‘написание’) трактовалась как ‘наука о письме, графическая и орфографическая «премудрость»’ [Кузьминова 2012: 45]. Так, в азбучниках XVII в. грамматика определяется учение о буквах (азбучныхъхы писменахы), надстрочных знаках (силахы) и правилах их употребления: «**Грамматичесѣство естѣ се, разѹмѣти како и коими словѣми азбучными, каждо рѣчь писати и каа сила надѣ коеюждо рѣчию поставлати... и ѣже разѹмѣти на колико потребѣ азбучнаа писмена раздѣлаютсѹ и ѣже колико ѿ них согласныхъ писменъ, и колико ѿ нихъ двогласныхъ, и паки разѹмѣнїе каа сѣтъ во азбѹцѣ нарицаютсѹ краткіа слоги и каа ли долгиа слоги, и ѣже которое просодїе приемлетѣ долгиа слогъ, кое же краткий**» [цит. по Карпов 1878: 184–185]. Аналогичное определение, содержащееся в рукописном орфографическом сочинении «Грамматичесѣство», дополнено конкретизацией областей грамматического знания: «**Грамматичесѣство**», дополнено конкретизацией

областей грамматического знания: *грамати́чество ес̑, ѣж же разѸмѣти* [1] *ѡрфогра́фие ѿ* [2] *просѡднѣ* [т. е. учение о надстрочных знаках], *ѿ соѡди́нѣннѣнѣ ѿ раздѣлѣннѣнѣ водѡбражѣннѣ, ѿ полага́ннѣ ѿ* [т. е. учение о знаках препинания и переноса]» [цит. по Ягич 1885–1895: 993]. «Грамматичесество» и «оученіе грамматичное» употребляются в качестве синонимов словосочетания «оученіе въквици» в орфографической статье «Оученіе въквици вкратцѣ» [Ягич 1885–1895: 1001–1002].

О том, что именно орфография определяла ведущее направление развития грамматического знания свидетельствуют и те трансформации, которым была подвергнута великорусскими книжниками пришедшая из Руси Юго-Западной одна из первых аналитических грамматик церковнославянского языка – «Грамматика Словенска Съвершѣнна ИсѸства ѡсми частій слова, ѿ ѿныѸ нѸждныѸ» Лаврентия Зизания (Вильна, 1596). Ее рукописные версии, созданные в Московской Руси в начале XVII в. (РГБ, ф. 299, № 336, л. 1–23; РГБ, ф. 299, № 336, л. 82–95; РГБ, ф. 236, № 182, л. 1–8 об.), демонстрируют абсолютное неприятие самой идеи грамматики как описания многоуровневой системы языка. Создатели этих версий, отстаивая усвоенные ими традиционные представления о грамматике как об орфографии, преобразуют грамматику Лаврентия Зизания в орфографическое руководство. Развернутое описание грамматического строя языка, данное Лаврентием Зизанием, либо полностью исключается ими из текста грамматики, либо подвергается значительному усечению [Кузьминова 2012: 44–52].

Появление первых аналитических грамматик – «Адельфотес», грамматик Лаврентия Зизания и Мелетия Смотрицкого – в Юго-Западной Руси было закономерной и естественной научной и педагогической «защитной реакцией» на положение там церковнославянского языка. В разделах «Хрестоматии», посвященных этим авторитетным югозападнорусским грамматикам [Буслаев 1861: стлб. 981–984, 1287–1292, 1295–1296], Ф.И. Буслаевым были сделаны, пожалуй, наиболее яркие открытия в области изучения памятников грамматической мысли, которые самым удивительным образом оказались не востребованными в течение последующих полутора столетий и смогли получить адекватную научную интерпретацию только в наши дни.

Ф.И. Буслаев был первым, кто указал на нетождественность второго, московского издания грамматики Мелетия Смотрицкого 1648 г. ее первому изданию в Евье в 1619 г. и предпринял попытку установить источники нового предисловия к московскому изданию [Буслаев 1861: стлб. 1202]. Исследование обоих изданий позволило доказать, что московской издание грамматики было не только не тождественно, а принципиально и целенаправленно противопоставлено первому, евьевскому как на концептуальном, так и на формальном уровне [Кузьминова 2012: 268]. Справщики Московского Печатного двора Михаил Рогов и Иван Наседка готовили это издание в качестве теоретической основы и инструмента для решения задач книжной sprawy. Они отстаивали теологическую концепцию грамматики как раздела богословия и ее развернутому обоснованию посвятили новое предисловие, которое представляет собой обширное «цитатное пространство», что и предугадывал Ф.И. Буслаев. Как цепочка доказательств теологического значения грамматики в нем выстраиваются блоки цитат из Священного Писания, творений отцов церкви и их интерпретаторов, житий святых, а также из сочинений авторитетных переводчиков, знатоков греческого и славянского языков [Кузьминова 2011; Кузьминова 2012: 115–137].

Первый блок ветхозветных и новозаветных цитат [Ин. 12: 50; Прит. 1: 2–3, 7; Пс. 110: 10; Ек. 8: 1, 9: 17; Сирах. 1: 15; 1 Тим. 4: 13] (л. 1–1 об.) в начале *expositio* является библейским «тематическим ключом» (Р. Пиккио), в котором заданы основные, т. е. «высшие», темы предисловия – прославление мудрости, необходимость изучения Священного Писания как залога вечной жизни, утверждение значимости книжного учения.

В соответствии со Словом Бога, явленным в исходных библейских цитатах, созидают свою жизнь «*дѣхонѡснїи стїи дѣци*», которые «*грамматїки, ѿ прѡчиухъ книгъ фїлософскагѡ учѣна, во учѣнїи оупражнѡхъса*» (л. 1). Их «*ѡбра³ любовмрїа*» раскрывается во втором, *агиографическом* цитатном блоке (л. 1 об.–17 об.), включающем фрагменты 11 житий, которые цитируются по двум основным источникам – Прологу, изданному на Московском Печатном дворе незадолго до публикации грамматики в 1642–1643 гг. (Пролог (IХ–II). М.: Печ. двор. 16.XII.1642; Пролог (III–VIII). М.: Печ. двор. 6.XII.1643), и Великим Минеям Четьим митрополита Макария.

Третий цитатный блок может быть определен как *пропедевтический*. Фрагменты из сочинений, принадлежащих или приписываемых Иоанну Дамаскину, догматического свода «Источник знания» и трактата «*Ѡ ѡсмнїхъ частїехъ слѡва*») (л. 17 об.–19) служат «вводными курсами» двух дисциплин, которые, согласно цитируемым житиям, были основными учеными занятиями святых отцов – грамматики и философии.

Овладение этими гуманитарными дисциплинами и, в первую очередь, грамматикой является залогом совершенного знания славянского языка и успешной профессиональной книжно-языковой деятельности. Это основная тема четвертого цитатного блока (л. 19 об.–33 об.), состоящего из фрагментов сочинений Максима Грека («Исповедание православной веры», «Слово обличительно, вкупе и развращательно, лживаго писания Афродитиана», «Слово отвещательно о исправлении книг русских», «Слово отвещательно о книжном исправлении»).

В пятом, патристическом блоке цитат (л. 35–39 об.) владение грамматикой признается делом богоугодным; это необходимое условие адекватного понимания и интерпретации Священного Писания, что, в свою очередь, является залогом спасения души верующего. Патристический блок содержит фрагменты творений отцов церкви Иоанна Златоуста, Василия Великого и Анастасия Синайского, которые цитируются по Пандектам Никона Черногорца, изданным в Вильне в 1591 г. (Пандекты Никона Черногорца. Вильна: Тип. Мамоничей, 1591. Л. 4–4 об., 14–15, 59 об.).

Справщиками была подвергнута коррекции и система грамматических норм первого издания, которая отражает не только различие двух изводов церковнославянского языка – великорусского и юго-западнорусского, но и различие лингвистических установок Мелетия Смотрицкого и московских издателей [Кузьминова 2012: 225–227]. В своих кодификаторских решениях Мелетий Смотрицкий руководствовался двумя базовыми принципами: принципом вариативности, реализованным в фиксации вариантных форм как в пределах одного словоизменительного типа (подтипа), так и в пределах парадигмы одного слова [Ремнёва 1983; Мечковская 1984: 74], и принципом дифференциации омонимичных форм, реализованным преимущественно на графико-орфографическом уровне как принцип антистиха [Horbatsch 1964: 15–16; Кузьминова 2001; Кузьминова 2011]. Заданная в его грамматике широкая вариативность словоизменительных форм становится объектом критического переосмысления Михаилом Роговым и Иваном Наседкой,

поскольку она противоречит одному из критериев истинности «писаніа», выдвинутых Максимом Греком, слова которого московские редакторы цитируют в своем предисловии: «са́мо к себѣ согласоуѣтъ, а нигдѣ́же разноуѣтъ» (л. 21 об.). Унификация, ограничивающая немотивированную вариативность, является одной из ведущих тенденций осуществленной ими справы. См. таблицу:

И. ед. ч.	-и → -а	Самараньни → самараньна	как землѧ
З. ед. ч.	-и → -е	Самараньни → самараньне	как Мре́же, Ла́дје
И. (З.) мн. ч.	-е → -и	Пастыре → пастыри	как клеврѣти, ѡтци
Р. мн. ч.	введение флексии -ей	лодей	как пастырей, мате́жей
Р. мн. ч.	введение флексии -вѣ	братѣ	как дрѣвѣ, до́мѣ
М. мн. ч.	-ехъ → -ѣхъ	чванцехъ → чванцѣхъ, словесехъ → словесѣхъ	как во́инѣхъ
местоим. Р. и В. ед. ч. м. р.	-агѣ → -огѣ	самѣгѣ → самогѣ	как тогѣ
причастия И. мн. ч. ж. р.	-а → -е	читающа → читающе	как И. мн. ч. м. р. читающе
числит. Д. = Т. м., с. р.		двома → двѣма	как Д. = Т. ж. р. двѣма
Д.		платѣ ѿли плати тисаца → плати тѣсаца	как седми тѣсаца
наречия	-е → -ѣ	мудре → моудрѣ	как до́брѣ

Принцип дифференциации омонимичных форм, определявший нормализацию Мелетия Смотрицкого, получил в московском издании свое дальнейшее развитие. С одной стороны, в отличие от Мелетия Смотрицкого, решавшего проблему грамматической омонимии главным образом графико-орфографическим способом, Михаил Рогов и Иван Наседка наряду с принципом антистиха преодолевают омонимию и другим способом – грамматическим, предполагающим дистрибуцию разных флексий. С другой стороны, московские книжники экстраполируют использованные Мелетием Смотрицким орфографические средства на те грамматические позиции, которые не были противопоставлены в его грамматике. В результате состав грамматических позиций, вовлеченных в противопоставление, во втором издании по сравнению с первым расширен. См. таблицу:

Грамматика Мелетия Смотрицкого 1619 г.	Грамматика 1648 г.
И. (З.) мн. ч. = В. мн. ч. Мрѣжѧ = Мрѣжѧ	И. (З.) мн. ч. // В. мн. ч. мрѣжи // мрѣжи
Р. (В.) ед. ч. = В. мн. ч. пѧстырѧ = пѧстырѧ	Р. (В.) ед. ч. // В. мн. ч. пѧстырѧ // пѧстыри
Т. ед. ч. = Д. мн. ч. м., с. р. нѣцимѧ = нѣцимѧ	Т. ед. ч. // Д. мн. ч. м., с. р. нѣцимѧ // нѣцимѧ
И. ед. ч. м. р. прич. = 1 л. мн. ч. наст. вр. читѧемѧ = читѧемѧ	И. ед. ч. м. р. прич. // 1 л. мн. ч. наст. вр. читѧемѧ // читѧемѧ

Наконец, Ф.И. Буслаеву принадлежит заслуга открытия нового памятника грамматической мысли – рукописной «Грамматики беседословной» Ивана Иконника 1733 г. В свою «Хрестоматию» Ф.И. Буслаев включил два фрагмента из этой грамматики [Буслаев 1861: стлб. 1295–1296], которую ему предоставил для изучения тогдашний владелец рукописи известный историк, заведующий Государственным древлехранилищем хартий, рукописей и печатей при московской Оружейной палате князь Михаил Андреевич Оболенский. В конце 1850-х гг. М.А. Оболенский передал рукопись грамматики для экспонирования в Кремль, в палаты бояр Романовых, где она служила образцом типичного учебного пособия XVIII в. [Кузьминова, Николенкова 2009; Кузьминова 2012: 272–274]. Именно в силу того, что в XIX в. и первой четверти XX в. грамматика Ивана Иконника являлась элементом экспозиции музея, она оставалась вне поля зрения исследователей. Менее 10 лет назад рукопись этого ценнейшего памятника грамматической мысли была случайно обнаружена в собрании рукописей Московского Кремля Н.В. Николенковой, которая и способствовала тому, чтобы я смогла получить к ней доступ.

Проведенное исследование «Грамматики беседословной» [Кузьминова 2012: 271–448] позволило установить, что она была создана в целях внедрения грамматической образованности как специальное учебно-методическое пособие, призванное сформировать процедуры изучения языка «по грамматике» и помочь освоить существующие грамматики церковнославянского языка, материал которых по содержанию и объему являлся непосильным и недоступным для обучающихся. Дидактические цели, в которых Иван Иконник обобщил и систематизировал предшествующие опыты описания и кодификации церковнославянского языка, определили способы организации и презентации учебного материала: диалогический формат, адаптацию метаязыка, унификацию моделей правил и определений, использование видеограмм и др. Иван Иконник одним из первых в истории славяно-русской грамматической традиции разработал и воплотил особый стандарт и особую стратегию лингвистического описания – обучающую (педагогическую, учебную) грамматику. Сам факт появления его труда является свидетельством кардинального изменения отношения к грамматической образованности в российском обществе 1720–1730-е гг.: грамматика утрачивает статус элитарного инструмента профессионального книжника, сфера ее действия постепенно расширяется и в нее начинают вовлекаться все православного христиане, проходящие формальное школьное обучение.

В заключение хотелось бы еще раз подчеркнуть, что, открывая всё новые и новые грани в научном наследии Ф.И. Буслаева, мы уже на протяжении полутора столетий поражаемся широте научного поиска выдающегося русского филолога,

«основателя исторического изучения русского языка» [Шахматов 1898: 7]. Его идеи, реализованные в «Исторической хрестоматии церковнославянского и древнерусского языка» и сохранившие свою безусловную актуальность до настоящего времени, заложили основы для становления и развития современной научной концепции развития грамматической мысли России.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Буслаев Ф.И.* Историческая хрестоматия церковнославянского и древнерусского языков. М.: Унив. тип., 1861. Репринт: М.: Языки славянской культуры, 2004. 856 с.
2. *Карпов А.П.* Азбуковники или алфавиты иностранных речей по спискам Соловецкой библиотеки. Казань: Тип. Имп. ун-та, 1878. 285 с.
3. *Кувев К.М.* Черноризец Храбър. София: Изд-во на БАН, 1967. 453 с.
4. *Кузьминова Е.А.* Антистих // Православная энциклопедия. Т. II. М.: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2001. С. 549–552.
5. *Кузьминова Е.А.* «Цитатное пространство» предисловия к грамматике 1648 г.: концепция и структура // Сибирский филологический журнал. 2011. № 3. С. 64–73.
6. *Кузьминова Е.А.* Принцип антистиха в славянской грамматической традиции // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. 2011. № 5. С. 36–55.
7. *Кузьминова Е.А.* Развитие грамматической мысли России XVI–XVIII вв. М.: МАКС Пресс, 2012, 468 с.
8. *Кузьминова Е.А., Николенкова Н.В.* Грамматика церковнославянского языка Ивана Иконника: история создания // Вестник церковной истории. 2009. № 1. С. 148–172.
9. *Мечковская Н.Б.* Ранние восточнославянские грамматики / Под ред. А.Е. Супруна. Минск: Изд-во университетское, 1984, 159 с.
10. *Ремнёва М.Л.* О степени императивности грамматики М. Смотрицкого 1648 г. // Научные доклады высшей школы. Филологические науки. 1983. № 3. С. 36–42.
11. *Турилов А.А.* Глаголица // Православная энциклопедия. Т. XI. М.: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2006. С. 538–543.
12. *Флоря Б.Н.* Сказания о начале славянской письменности. М.: Наука, 1981. 200 с.
13. *Шахматов А.А.* Буслаев как основатель исторического изучения русского языка // Четыре речи о Ф.И. Буслаеве. СПб.: Тип. Имп. АН, 1898. С. 7–16.
14. *Ягич И.В.* Рассуждения южнославянской и русской старины о церковнославянском языке // Исследования по русскому языку. Т. I. СПб.: Тип. Имп. АН, 1885–1895. С. 289–1023.
15. *Horbatsch O.* Die vier Ausgaben der kirchenslavischen Grammatik von M. Smotryckij. Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 1964. 66 S.

REFERENCES

1. Buslaev F.I. (1861) Historical Anthology of the Church Slavonic and Old Russian Language. Moscow. University Press. Reprint: Moscow. Yazyki Slavyanskoy Kultury Publ. 2004. 856 p.
2. Florya B.N. (1981) Legends about the Beginning of Slavic Writing. Moscow. Nauka Publ. 200 p.
3. Horbatsch O. (1964) Die vier Ausgaben der kirchenslavischen Grammatik von M. Smotryckij. Wiesbaden. Otto Harrassowitz. 66 S.
4. Jagich I.V. The Reasoning of the South Slavic and Russian Antiquity about Church Slavonic Language. In: Research on the Russian Language. Vol. I. St.-Petersburg. Printing House of the Imperial Academy of Sciences. 1885–1895, pp. 289–1023.

5. Karpov A.P. (1878) *Azbukobniki or Alphabets of Foreign Speeches on the Lists of the Solovetsky Library*. Kazan. Imperial University Press. 285 p.
6. Kuev K.M. (1967) *Chernorizets Khrabr*. Sofia. BAN Publ. 453 p.
7. Kuzminova E.A. Anti-verse. In: *Orthodox Encyclopedia*. Vol. II. Moscow. Church Research Center "Orthodox Encyclopedia" Publ. 2001, pp. 549–552.
8. Kuzminova E.A. "Quote Space" of the Preface to the Grammar 1648: Concept and Structure. *Siberian Journal of Philology*. 2011. No 3, pp. 64–73.
9. Kuzminova E.A. The Principle of Anti-verse in the Slavic Grammatical Tradition. *Moscow State University Bulletin*. Ser. 9. Philology. 2011. No 5, pp. 36–55.
10. Kuzminova E.A. (2012) *The Development of Grammatical Thought in Russia of the 16–18th centuries*. Moscow. MAKS Press Publ. 468 p.
12. Kuzminova E.A., Nikolenkova N.V. Ivan Ikonnik's Church Slavonic Grammar: History of Creation. *Church History Bulletin*. 2009. No 1, pp. 148–172.
12. Mechkoskaya N.B. (1984) *Early East Slavic Grammars* / Ed. by A.E. Suprun. Minsk. Izdatelstvo Universitetskoye Publ. 159 p.
13. Remneva M.L. On the Degree of Imperative of M. Smotritskiy's Grammar 1648. *Philological Sciences. Scientific Essays of Higher Education*. 1983. No 3, pp. 36–42.
14. Shahmatov A.A. Buslaev as the Founder of the Historical Study of the Russian Language. In: *Four Speeches on F.I. Buslaev*. St.-Petersburg Printing House of the Imperial Academy of Sciences. 1898, pp. 7–16.
15. Turilov A.A. Glagolitic. In: *Orthodox Encyclopedia*. Vol. XI. Moscow. Church Research Center "Orthodox Encyclopedia" Publ. 2006, pp. 538–543.

Сведения об авторе:

Елена Александровна Кузьмина,
доктор филол. наук
профессор
филологический факультет
МГУ имени М.В.Ломоносова

Elena A. Kuzminova,
Doctor of Philology
Professor
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University

elenk2002@mail.ru